

По ту сторону мультикультурализма

Футуризм как снятие консерватизма:
в поисках альтернатив мультикультурализму

Этот текст носит несколько необычный, философский и вместе с тем публицистический, характер. Он посвящен одной из наиболее тонких и спорных тем, лежащих в пространстве альтернатив миру отчуждения. Более того, он является скорее гипотезой (причем сырой, недавно появившейся на свет), нежели плодом долгих разработок и обсуждений. Кроме того, он стал плодом прежде всего наших диалогов с Людмилой Булавкой-Бузгалиной, которой по праву принадлежат все позитивные результаты наших размышлений. Недостатки же и недоработки этого фрагмента остаются целиком на совести А. Бузгалина.

Хиджабы на Елисейских полях

Мы любим Москву. Но она становится чужой. Наш город все более оккупируют бесцветный офисный планктон и выглядывающие из щелей забито-злобные лица. Мы не о «лицах кавказской национальности» на рынках, не о поэтах и инженерах из Средней Азии, чистящих снег на наших улицах. В той Москве, которую мы любим, грузины, армяне, чеченцы, узбеки, киргизы украшали наш общий город. Сегодня город губит серость. Она убивает город Пушкина и Маяковского больше, чем «Макдональдс» на Пушкинской площади и реклама «Кока-колы» на площади Маяковского.

Мы любим Париж. Но сегодня нас не тянет в него вновь и вновь как когда-то: по вечерам на Елисейских полях и Больших бульварах хозяином становятся ветер и лица-без-лица, напоминающие мне хозяйничавшую на помойках дворовую шпану эпохи брежневского застоя. Они оскорбляют шарм этого города поэтов, художников и коммунаров не меньше, чем супермаркеты. И опять же дело не в цвете кожи или наличии/отсутствии платка на голове у женщины. Дело в серости/равнодушии одних и забитости/озлобленности других.

Наши близкие росли в разных уголках большой многонациональной страны. Мы никогда не забудем поэзию кривых улочек среднеазиатских го-

БУЗГАЛИН Александр Владимирович — профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук.

Ключевые слова: мультикультурализм, футуризм, прогресс, свобода, марксизм, эстетика, отчуждение, разотчуждение, Мих. Лифшиц, Г. Лукач.

родов, по которым люди ходят вот уже пять тысяч лет... Но нам претит смесь из паранджи и хаммеров, оскверняющая поэмы Низами. Нам чем дальше, тем холоднее и бесприютнее на улицах культурных центров мира. И не только потому, что везде продается один и тот же китайский ширпотреб и рекламируются одни и те же транснациональные монстры. Власть ТНК, рекламы и пиара ужасна (мы были, есть и будем альтерглобалистами — критиками неолиберального глобализма и сторонниками социально ориентированной интеграции). Но чем дальше, тем больше чувствуется, что все большая загрязненность экзистенциального и культурного пространства наших миров не менее страшна, чем поступь «железной пяты» неолиберальной глобализации.

И еще: требования «Европы без мигрантов» со стороны ультраправых в ЕС; антизападные истерии в исламских странах; «русские марши» в нашей стране; русофобия в Прибалтике, на Украине и не только — все это не просто досадное исключение из правил. Это не просто всплески маргинального хулиганья. *Национализм в превратной, иррациональной форме выражает теневую сторону реальных интересов едва ли не большинства трудящихся наших стран.* Причем не только озабоченность ростом конкуренции на рынке труда, но и глухую, переходящую в озлобление, толком не осмысленную тоску, вызываемую деградацией национальных культур, чужеродностью пространства: наши улицы, парки, театры становятся чужими. И «простой» человек об этом глухо «мычит», не умея проговорить.

А «продвинутый» интеллектуал говорит ему: Ты не прав. Ты не [мульти]культурен. Ты не толерантен. Ты не демократичен. Ты не плюралистичен. И тогда «рядовой» человек — не только работяга с завода, но и учитель — говорит: а мне плювать на ваш плюю-рализм.

Он не прав — наш «рядовой» товарищ, злящийся на знаки демократии, которыми иные «демократы» камуфлируют свое равнодушное желание запереться в замкнутом мирке постмодернистского безразличия. Он не прав, наш товарищ рабочий, когда злится на то, что по улицам его открытого города ходят женщины с закрытыми лицами. Он не прав, когда считает, что главными организаторами насилия на улицах российских городов стали кавказцы. Он не прав, когда на кухне с сочувствием говорит о том, как набили морду «черно...», пристававшему к нашей девчонке. Он более чем не прав: он катится к расизму, который несколько десятилетий назад казался невозможен в нашей стране, где девушки мечтали, чтобы за ними поухаживал джигит с Кавказских гор.

Но мы задаем другой вопрос: почему наш *товарищ*, все чаще неявно, на подспудно-бытовом уровне, но упорно катится к этой неправоте? И еще: почему он не хочет слышать, с раздражением выключая телевизор, интеллектуала, говорящего правильные вещи о равноправии наций, народов и рас, о важности диалога культур и традиций? Может быть, потому, что мультикультурализм, при всей формальной правоте лозунгов о равноправии культур, реально скатывается к безразличию по отношению к тем или иным отчужденным формам различных социально-бытовых, религиозных, экономических и тому подобных отношений?

Может быть, потому, что «простой» человек прекрасно понимает, что не может быть культурного равенства между полноправным и в большинстве

своим хорошо обеспеченным представителем «среднего класса» Евросоюза и бесправным и в большинстве своем откровенно бедным иммигрантом? Что один будет навязывать силой (силой рынка и капитала) свои «цивилизационные» стандарты (по сути — стандарты *их* капиталом контролируемого рынка), а другой убежать от этого давления в гетто реакционных форм религиозности и патриархальности?

Или потому, что он понимает, что не может быть *культурного* равноправия между полноправным гражданином Евросоюза и (нелегальным) мигрантом? А еще потому, что «нутром» сомневается в том, что нормально пропагандировать однополую любовь. И главное — нормально и единственно правильно отказываться от каких-либо эстетических и нравственных критериев, объявляя любое стремление к Истине, Добру и Красоте тоталитаризмом в духовной сфере...

А еще этот «простой» человек не верит интеллектуалу-постмодернисту в его проповеди мультикультурализма, ибо он очень часто сталкивается с тем, что такой «интеллектуал» все больше несет ему либо рыночно-симулятивный *масс-культурализм*, либо якобы элитный *вне-культурализм*, отправляя массы на стадионы впадать в полунаркотический кайф от дергающейся под «фанеру» поп-звезды, а «элиту» — испытывать эстетическое наслаждение, любясь закутанным в целлофан и обрызганным краской муляжом трупа.

Большинство «обычных» людей — если они не в полной мере отравлены миром отчуждения, потребительства и масс-культуры — обладают мощной инерцией реального бытия (работы, любви, общения) в мире не-симулякров. Они обладают этой инерцией, ибо, не отличив реальных ценностей от имитаций, невозможно производительно *трудиться*, нельзя *быть другом*, нельзя *рожать* и *воспитывать* детей и делать все те обычные вещи, без которых невозможна реальная жизнь. Так «обычный» человек в постмодернистском мире симулякров становится не только носителем интенций конформизма и консерватизма, но и хранителем *классики* — того, что Маркс и Лукач называли *родовой сущностью человека*.

В результате субъекту творческой деятельности в мире культуры «простой» человек (как носитель классики) оказывается ближе, нежели кажущийся его собратом представитель «креативного класса», создающий симулякры в «превратном секторе». Соответственно, кажущийся консервативным рабочий и его собрат, учительствующий в бедной государственной школе, окажутся по одну сторону «баррикад» — в пространстве-времени культуры, а «креаклы» — по другую, в мире симулякров. Первые, при всем кажущемся их консерватизме, окажутся субъектами исторического прогресса; вторые, при всей их постмодернистской «продвинутой», — субъектами регресса.

Здесь принципиально важны кажущиеся теоретическими экзерсисами «нюансы».

Нюанс первый. *Классика* (в производстве, культуре, человеческом общении) принципиально отлична от консерватизма, ибо она в отличие от него *не устаревает*. И это принципиально. Эта закономерность позволяет, в частности, объяснить, почему Ренессанс не был консервативной ностальгией. Он был восстановлением и развитием классики и как таковой оказался огромным шагом вперед, прогрессом.

Нюанс второй. Вступающий в *диалог* с классикой, распредмечивающий ее сущность как бытия родовой сущности человека, футуризм оказывается тем самым способом ее «развития», обогащения и, следовательно, созидания новой классики. Столь же верно и обратное: футуризм, не способный, распредметив, возродить (подобно Ренессансу) классику, оказывается ее зряшным отрицанием и потому в конечном счете регрессивен, обращен назад и в этом смысле — консервативен.

Соответственно, консерватизм, в отличие от классики, есть не что иное, как увековечивание (консервация) преходящего, исторически отжившего, регрессивного. Как правило, консервативным оказывается стремление к сохранению не феноменов «креатосферы», не форм социального «творчества» (эти два класса феноменов принадлежат в большинстве своем к миру классики), а тех или иных атрибутов мира отчуждения: от устаревших технологий до тормозящих прогресс социальных отношений и институтов, равно

Человек, так или иначе выросший на классической культуре (что особенно характерно для наследников СССР), на уровне едва ли не социокультурных «инстинктов» отторгает отчужденные формы бытия, навязываемые ему то ли добуржуазными формами личной зависимости и порабощения человека, то ли манипулятивной властью ТНК эпохи позднего капитализма.

как и продуктов духовного производства (но не Культуры).

Нюанс третий. «Рядовые» представители трудящихся являются, как мы уже не раз говорили, носителями отнюдь не только классических традиций. В их жизнедеятельности может присутствовать и присутствует и собственно консерватизм, и подчиненность постмодернистскому

манипулированию и т. п. Более того, именно они составляют основную пассивную основу конформизма. Но! Но в этих социальных слоях присутствует и здоровая «классическая» традиция человека-труженика, несущая вечную «родовую сущность человека». Последняя, при прочих равных условиях, тем сильнее, чем в меньшей мере работник подчинен миру симулякров и глобальной гегемонии капитала.

Продолжим наши размышления. Человек, так или иначе выросший на классической культуре (что особенно характерно для наследников СССР), на уровне едва ли не социокультурных «инстинктов» отторгает отчужденные формы бытия, навязываемые ему то ли добуржуазными формами личной зависимости и порабощения человека (неприятие того же хиджаба и многоженства), то ли манипулятивной властью ТНК эпохи позднего капитализма (масса анекдотов о рекламе, проституции и оли-

гархах в нашей еще не до конца утратившей злое чувство социального юмора стране).

Прежде чем мы обратимся к анализу сложившейся ситуации, еще раз подчеркнем: нам очень стыдно за тот рост национализма и расизма, который стал реальностью в нашей стране и в странах, где живут наши друзья. Но мы не собираемся закрывать на это глаза. С этим надо разбираться, ибо проблема здесь не столько в том, что 10—15 (а в 2014 году во Франции уже более 20) процентов населения голосует на выборах за националистов, сколько в том, что все больше и больше вполне нормальных французских и английских, североамериканских и русских рабочих и пенсионеров, студентов и учителей искренне не принимают того, что их родные города и поселки с глубокой историко-культурной традицией превращаются в чужое им место жизни, где господствует даже не чужая культура, а пыльные вне-культурные симулякры.

Итак, перед нами стоит вопрос, почему мы считаем мультикультурализм питательной средой для распространения идей и практик и правых глобалистов, и правых националистов — и на Западе, и на Востоке, и в России.

Мультикультурализм как конформизм, Или еще раз О цивилизационном подходе и критериях прогресса

Поиск ответов на поставленные выше вопросы потребует от нас небольшого экскурса в социальную философию марксизма. И не потому, что авторы выросли на этой методолого-теоретической базе, — а потому, что иным путем ответы найти не получается. В самом деле, остаемся ли мы в русле позитивистского описания своеобычности каждой из бесконечного множества цивилизаций, уходим ли мы в пространства отрицания «больших нарративов» и деконструкции постмодернизма — в любом случае мы не можем найти обоснованный ответ на вопрос о критерии, позволяющем нам сказать «да» или «нет» хиджабу или пирсингу во всех местах, многоженству или торговле живым товаром.

Констатация многообразия цивилизаций и/или отказ от «больших нарративов» обязывают исходить из уважения к своеобычности каждого из социокультурных пространств: если у вас принято съедать на ужин наиболее достойных из своих близких или убивать в случае смерти вождя его любимых лошадей, слуг, а также любимых жен; или загонять в гроб треть населения страны при строительстве великого города; или отправлять в ГУЛАГ инакомыслящих — это ваше дело. У каждого — своя цивилизационная специфика... Цивилизация племени N требовала жертвоприношений — и ныне мы смотрим блокбастеры, в величественном финале которых десятки людей отправляют мучительно умирать в море на горящем корабле погибшего великого воина. А в России XVIII века цивилизационная специфика обуславливала использование труда крепостных — и восхищающиеся красотами Санкт-Петербурга туристы со всего мира «забывают» о том, что ходят по костям миллионов людей. Адепты «советской цивилизации» искренне считают инакомыслящих врагами народа. «Цивилизационный код» США построен на том, что об уничтожении индейцев вспоминать в приличном обществе «не принято»...

И это — отнюдь не преувеличение. Мы просто констатируем методологический принцип: в рамках позитивизма и/или постмодернизма критерия для выводов о прогрессивности или регрессивности «цивилизационных особенностей» нет и быть не должно. Или он все же есть? Или все же есть некие всеобщие и вечные «цивилизационные ценности»: неприкосновенность частной собственности, свобода и гарантии рыночных сделок, парламентская демократия, свобода слова?..

И опять-таки — это не ерничанье: разговор идет о методологии. Свобода бизнеса — это «естественное» благо всякой цивилизации или историческая специфика рыночно-капиталистической общественно-экономической системы? Крепостничество — это атрибут аристократизма, сиречь цивилизованности («Будь плохонький, да если наберется душ тысячки две родовых, тот и жених...» — это Александр Грибоедов) или все же специфика феодализма? И еще: можем ли мы считать, что наемный труд — форма более прогрессивная, чем рабовладение, а парламентская демократия — чем абсолютная монархия? Или здесь тоже нельзя применять критерии прогресса?

На эти вопросы у большинства читателей скорее всего ответ будет однозначным. Критерии прогресса, закамуфлированные под критерии «цивизованности» в экономическо-политической сфере, как правило, признаются. Но не в сфере обыденной жизни, семьи, религии и «культуры».

Между тем они есть и там. И по большому счету эти критерии прогресса едины для всех сфер человеческого бытия: мера снятия социального отчуждения и эмансипации человека определяет меру прогрессивности того или иного сообщества и поступков человека. Нравственное измерение *раз-*отчуждения позволяет судить о мере добра, эстетическое — красоты... Это жесткое утверждение — но именно оно позволяет сделать шаг «по ту сторону» социокультурного безразличия.

Здесь мы могли бы поставить точку, ибо главное сказано. И это главное состоит в том, что человеку нужны достаточно четкие критерии прогресса, а значит — добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи. Нужны везде: в быту, политике, в семейных отношениях, в любви и ненависти, дружбе и вражде. В культуре и в науке. У станка и в супермаркете. В театре и у телевизора. И если мы, интеллигентные и просвещенные люди, отказываемся от определенности, ее привносят в наше сознание национализм и расизм.

Безусловно, у этих зол нашего мира есть экономические, социальные, политические корни. Но мы сейчас о другом — о нашей, интеллигенции, ответственности за их распространение. Задумаемся: едва ли не главное, чем привлекательны национализм и расизм, — это наличие в них простоты и определенности. Ложных, но четких критериев, позволяющих судить о добре и зле, красоте и безобразии, о том, кто прав, а кто нет, кто друг, а кто враг. Националистические, расистские критерии лживы и примитивны — но они есть и они не случайны. Интеллигентский же *плюю-*рализм, отказываясь от критериев прогресса, выплескивает с грязной водой примитивизма и ребенка определенности.

Существенно, что этот отказ от всяческой критериальности видимостен: за ним скрывается жесткое деление на «своих» (правильно отказывающихся

от определенности и не забывающих получать за это вполне определенный гонорар) и «чужих» (отказывающихся от гонорара, но не от борьбы с социальным отчуждением). Между тем «простой» человек всем опытом своей жизни убеждается (убеждается практически!), что всякий раз, когда тебе надо совершать поступок и отвечать (как минимум перед самим собой) за его результаты, — всякий раз в этом случае ты сам должен определиться: добро ты делаешь или зло. Добро или зло несет твое действие (в большинстве случаев осознанное — мы же все-таки пока еще люди, а не скоты) другу, возлюбленному, ребенку, старику, соседям, согражданам, стране, ее культуре, миру, истории.

Да-да, именно так: «простой» рабочий и учитель, служащий конторы и нянечка в больнице — все мы, совершая поступок (или отказываясь от его совершения), так или иначе соразмеряем это (не)деяние с некоторыми критериями, затрагивающими не только ближних, но и «дальних». Пусть не всегда до конца осознанно, компетентно, пусть на кухне или сидя с приятелем у телевизора, но мы думаем о «больших нарративах». Мы все — и дворники, и профессора — думаем: прав или нет политик, отправляющий наших парней на очередную «локальную» войну во имя демократии или национальной целостности; враги ли нам требующие равноправия мигранты; красива ли сделанная на соседней площади клумба; и должен ли наш ребенок учиться вместе с бесцветными ребятами, не уважающими старших и не имеющими столь глубокие и прочные историко-культурные корни, как мы — сыны и дочери народа NN?

И именно потому, что мы так или иначе, но всегда думаем об этом, именно потому, что мы должны и можем совершать осмысленные *поступки*, нам претит якобы плюралистичный, а на деле — безразличный взгляд многих представителей «элитной» интеллигенции на проблемы каждодневного бытия и «культуры». Нам каждодневно нужны критерии добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи. Иначе мы не сможем воспитывать детей и уважать стариков, дружить и любить, помогать товарищам и бороться с врагами. Мы не сможем *совершать поступки*. Мы не сможем *отвечать за них*.

«Интеллектуал» же как раз этой определенности и не хочет — он не хочет совершать интеллектуальный поступок, беря на себя ответственность за истинность или ложность предлагаемого им решения социальной проблемы; за то, красоту или безобразие, добро или зло разбудит в душе человека его музыка или картина... Он хочет уйти от ответственности перед Человеком. Но при этом (и это только по видимости парадокс) он жаждет признания рынка. Единственный критерий «истины», «добра» и «красоты», который он признает, — деньги, которые ему заплатят. По большому счету все равно за что: за «деконструкцию» или за проповедь неприкосновенности частной собственности, за тезис о «конце истории» или за теорию «клэша цивилизаций». А можно еще продавать эпатажные р-р-радикально-левые идеи: если они достаточно «круты», тотальный рынок и из них сделает ходкий товар, превратив в симулякр борьбы за социальное освобождение.

Так в повестку дня снова встает проблема социофилософского определения понятий отчуждения и освобождения, Человека и его деятельности,

прогресса и его критериев. Причем не только в политике, но и в культуре, семейной жизни, быту..

Да-да, социальный философ, ответственно и определенно для себя занимающий позицию служения истине и добру, может и должен говорить человеку, что, с его точки зрения, прогрессивно, а что нет и почему. Вы спросите: а кто и что дает вам право судить об истине и лжи, добре и зле, красоте и безобразии? А кто и что дает право: врачу — решать, ампутировать или лечить пораженную гангреной ногу; судье — выносить оправдательный или обвинительный приговор; учителю — ставить высокую или низкую оценку; политику — отстаивать свою правоту в парламенте или на баррикаде; солдату — убивать; человеку на оккупированной врагом территории — продаваться противнику или идти в сопротивление?

Во всех этих случаях каждый человек должен *совершить поступок* (в данном случае мы всего лишь опираемся на разработки Михаила Бахтина), сам отвечая перед обществом и историей, своими близкими и, главное, перед самим собой за его правомерность и прогрессивность. И основанием для этого поступка становятся культура, знания, идеология Человека — сознательно действующего существа.

Почему мы беремся столь определенно делать такой вывод? Потому что мы сами, будучи, возможно, пигмеями, опираемся на плечи гигантов: на наследие Маркса и Грамши, на деятельностный подход советской школы критического марксизма (Ильенков, Леонтьев, Выготский), на философию поступка Бахтина. Эти полемические заметки — не место для развертывания этих теорий, да они и без нас хорошо известны образованному читателю. Здесь уместна только одна оговорка: отсылая к авторитетам, мы не снимаем ответственности с себя. Ответственности за адекватность «распредмечивания» их наследия, за правомерность его применения именно к данной теме.

А теперь вернемся к мультикультурализму и попутно ответим на, по-видимому, уже не раз возникавшее у иного читателя желание обвинить нас в идейном тоталитаризме, попрании индивидуальной свободы и сталинистском подходе к культуре.

Маркс, Бахтин и культурная ответственность интеллигента как условие социального освобождения: проблема диалога

Начнем с неожиданного для таких «обвинителей» (но логичного с точки зрения заявленного выше методологического подхода) обращения к другой, не менее важной, чем рассмотренная выше деятельностно-определенная философия поступка и ответственности, стороне проблемы — теме *диалога*. Дело в том, что наши критики действительно имеют немалые основания подозревать нас в сталинизме: у последнего в ряде случаев прослеживаются сходные основания, которые в конечном счете и привели к тому, что иной раз верховным судьей в вопросах искусства и науки становилось Политбюро ЦК КПСС, а проблемы развода выносились на партком. (Попутно заметим: адепты СССР нам скажут, что это бывало далеко не всегда, и что критерии рынка и выгоды — тоже не лучшие советчики в вопросах «культу-

ры» и любви, — и будут правы. Но зачем же одно зло — власть денег заменять на другое — власть бюрократии?)

Каково же решение названной дилеммы? *Как уйти от методологического безразличия, но не впасть в ересь теоретического, а то и идеологического диктата?*

Принципиальное решение этой проблемы давно известно, но ныне почти забыто. Как мы уже отмечали, в 1960-х годах и на Западе, и в СССР произошло «открытие» в принципе и ранее известных работ К. Маркса («Экономико-философские и экономические рукописи» 1844 и 1857—1859 годов), Г. Лукача (тексты о родовой сущности Человека) и М. Бахтина («Проблемы поэтики Достоевского» и др.), в которых, помимо прочего, много внимания было уделено проблемам отчуждения, творчества и диалога. Именно тогда сформировалась целая плеяда исследователей (в СССР — Э. Ильенков, Г. Батищев, В. Библиер и др.), которые показали, что отчуждение есть подчинение человека стоящим вне его общественным силам (разделению труда, рабству, деньгам, капиталу, государству, религии), а творчество есть всегда *со-творчество*, диалог (и даже *полилог*) особенных субъектов особенной деятельности, субъект-субъектное отношение.

Эти, прямо скажем, непростые философские изыскания и стали основой для наших очень жестких выводов, одна часть которых уже была сформулирована выше, а другая будет сформулирована сейчас. Это вывод о том, что снятие отчуждения, продвижение по пути прогресса всякий раз есть не что иное, как диалог творчески деятельностных субъектов.

Здесь важны все нюансы.

Диалог — это со-творение, спор, соревнование равноправных субъектов. В диалоге нет готового, заранее заданного результата; нет тех, кто прав и кто не прав, кто заранее знает, что истинно, а что нет, что красиво, а что безобразно, что есть добро, а что есть зло.

Но эта неопределенность снимается в процессе *деятельности*, у которой есть результат, и он определен, и именно ему общественная историческая практика говорит, истинен ли он, прекрасен ли он, добр ли он. Сказав это, практика всегда открывает тем самым дорогу к новой (само)критике, к новому диалогу-творчеству.

В этот диалог, в процесс со-творчества, вступают именно *субъекты* — свободные, снимающие с себя в этом творческом процессе узы отчуждения люди, которые в своих действиях исходят из всего мирового культурного опыта (практики), так или иначе снятого в их личностном потенциале.

Что означает вся эта философская премудрость для нас с вами, для нашей повседневной жизни? Какое все это имеет отношение к мультикультурализму, мигрантам, хиджабу и национализму? Прямое. Только *рождаемая мировой культурой и социальным творчеством (разотчуждением) практика дает Человеку критерии Истины, Красоты и Добра*¹.

¹ Автор определяет эти понятия как, соответственно, теоретическое, эстетическое и этическое измерения разотчуждения, или иными словами — как снятие отчуждения методами науки, искусства и морали.

Уточним: «мировой культурой» — значит бесконечным, открытым в пространстве и времени со-творчеством ученых и художников, «простых» учителей и инженеров; «социальным творчеством» (разотчуждением) — значит опытом мировых реформ и революций; «практика» — значит общественная деятельность = отношение; «Человеку» — значит каждому из нас с вами в той мере, в какой мы включены в эту общественную практику. Только такой Человек становится сопричастен к творению и распределению Культуры, а значит — истины, добра и красоты; и рождается эта сопричастность только в культурном и социально-творческом диалоге.

На практике это означает следующее.

1. Человек, изучивший работы Дарвина, Вернадского и их последователей, может доказать, что Солнце, Земля, ее био- и ноосфера не есть творения Господа. Что такой человек будет выступать против религиозной пропаганды, за отделение церкви от школы и государства, а вопрос веры или неверия в бога рассматривать как сугубо личное дело каждого, при этом, однако, имея вполне определенную позицию и доказывая, что религия есть форма отчужденного общественного сознания и подчинения человека, и что снятие (не запрет!) религии есть вектор прогресса. Такая позиция будет сугубо отлична от плюю-ралистично-безразличного отношения к тому, учат ли детей в школе Закону божьему или нет.

Принципиально важно: такой человек будет именно *доказывать*, и именно в *диалоге*, что Бога нет, — а не принуждать при помощи парткома не верить в Бога или при помощи неписаных законов госаппарата верить в того бога, в какого положено верить высшим политическим лицам в данной стране. (Последнее — проблема не только исламских стран или современной России: попробуйте в США получить высшую государственную должность, публично декларируя, что вы — атеист!)

2. Личность, выросшая на поэмах Низами и Пушкина, знает и чувствует, что женщина может и должна быть не только формально равноправна с мужчиной, но и свободна от рабства традиций, носить то, что красиво, а не то, что предписано той или иной системой религиозных догм или дресс-кодом фирмы. Такой человек будет активно, всем своим талантом любящего человека, художника, поэта убеждать, что хиджаб и паранджа — продукт исторических религиозных традиций, закреплявших порабощение женщины, ее статус собственности мужа, что как элемент культуры они хороши разве что в случае костюмированной стилизации (наподобие русского сарафана, придуманного для вечно беременных крестьянок средневековой Руси). Он выступит против *запрета* носить хиджаб. Но он будет неустанно объяснять, что любой платок любая женщина может одевать или не одевать в зависимости от *своих желаний*, но обязательное ношение хиджаба для женщины-мусульманки — это не атрибут «восточной цивилизации» и не альтернатива «западной цивилизации», а символ религиозного и бытового закрепощения, часть реакционной средневековой традиции.

Точно так же он будет бороться с рыночным тоталитаризмом моды (но не с новыми веяниями в искусстве одежды) и формально нонконформистскими уродствами субкультур. Не с «западным стилем», а с бескультурьем, даже антикультурностью, ибо большая часть «дресс-кодов» корпораций, панков,

готов и иных сообществ есть такое же свидетельство культурного отчуждения, как и хиджаб.

Другое дело, что эта борьба должна идти не при помощи бюрократических запретов или рыночно-маркетингового манипулирования, а через развитие художественного вкуса, через распространение красоты, создавая пространство, где каждый будет действительно свободно и самостоятельно, включаясь в диалог с мировой историей и культурой костюма, а не под давлением религиозных догм (или рекламы, или стандарта субкультурной среды), выбирать себе стиль одежды. Он будет последовательно и активно отстаивать свою позицию в вопросах искусства, не запрещая то, что лежит по ту сторону красоты, но и не уходя от общественных споров о том, что принадлежит, а что нет, к миру культуры.

Позволю себе в связи с этим некоторое отступление. Искусство — это едва ли не самая тонкая и труднее всего поддающаяся теоретическому рассмотрению сфера творчества. Но не недоступная для научного исследования. Ученый способен *превращать образы в категории* (Л. А. Булавка), хотя делать это едва ли не сложнее, чем открывать законы мироздания. И в той мере, в какой это возможно, мы можем утверждать, что искусство — это выражение (1) отношения (2) субъекта к (3) реальности. В этом, в частности, его отличие и от науки (которая призвана отражать объективные законы реальности *ее в-себе и для-себя-бытия*) и от не-искусства или, что в данном случае точнее, не-художественного не-творчества.

Претензия ученого и общественного деятеля на то, что он может провести границу между искусством и его не-бытием, опять же, мы уверены, будет встречена в штыки большинством наших коллег, особенно — зарубежных постмодернистов. Однако...

Первый аспект — художественное творчество как *отношение* — есть по сути не что иное, как перефразировка известного тезиса о не-безразличии *подлинного искусства* (искусства как художественного творчества, а не как сферы производства артефактов-симулякров) к злу, безобразию и лжи — с одной стороны, Добру, Красоте и Истине — с другой. Тем самым подлинное искусство художественными методами выражает отношение художника, его приятие и воспевание того, что содействует научному, эстетическому, нравственному обогащению человека, и художественную критику того, что ведет человека в мир мороков, безобразия, аморальности.

Второй аспект — *субъектность бытия художника* (Л. А. Булавка) — предполагает нечто еще более определенное: наличие некоторой позиции творца произведений искусства, его способность и готовность принять на себя ответственность за то, какой импульс — гуманизма или отчуждения, творчества или равнодушия — несет он зрителю, читателю, слушателю...

Третий аспект — художественное отображение *реальности* во всем многообразии ее бытия: Природы, Человека, его отношений и деятельности, предметов культуры (в том числе материальной). Именно реальности, а не симулякров и превратных форм как псевдореальности. Последнее, правда, позволяет методами искусства показать, что симулякр есть не реальность, а эстетический феномен, несущий по большому счету ложь (простейший пример — слоганы в стиле «Все будет кока-кола!»).

Все сказанное — безусловно, вызов. Вызов постмодернистской эстетике, гламуру и уверенности «элитарной» художественной интеллигенции в том, что она, с одной стороны, есть пуп мира, а с другой — не несет никакой этической и эстетической (как минимум) ответственности за то, что она «творит». Наша позиция есть альтернатива этому бытию и жесткое утверждение, что художник, который не несет миру Красоту, Истину и Добро (в любой форме — от рождающей сугубо эстетический катарсис античной статуи до вызывающей сугубо общественную ненависть к фашизму Девятой симфонии Шостаковича), не есть творец. Он всего лишь производитель «художественных» симулякров, являющийся либо марионеткой платежеспособного спроса и корпоративного манипулирования (большая часть «креативного бизнеса»), либо арт-аутистом.

Завершая наше отступление, подчеркнем: сказанное имеет прямое отношение и к другим сферам человеческого бытия. Определенность позиции означает, что человек, берущий на себя ответственность различать прогресс и регресс, не побоится сказать, что физиологическое влечение к представителям своего пола есть биологическое исключение, и потому его не следует пропагандировать как норму, а уж тем более навязывать как некий отличительный признак гламурной «продвинутой». Его нельзя запрещать, но можно и должно оставлять в рамках физиологически обусловленного исключения, к которому можно и должно относиться как к той или иной особенности организма некоторых людей.

3. Гражданин, впитавший в себя опыт крестьянских восстаний в Германии и России, Китае и Индии; буржуазных революций в Нидерландах и Северной Америке; социальных реформ европейских и латиноамериканских левых партий и правительств; социалистических революций в России, Германии, Венгрии, Китае, на Кубе; великих достижений и трагических противоречий в СССР, — такой гражданин будет сознательно и последовательно выступать за снятие экономических, социальных и политических форм отчуждения, ведя диалог со своими товарищами и политический спор со своими идейными оппонентами, находясь в непрерывном процессе поиска новых решений, критично относясь к себе и своим товарищам, к прошлому и настоящему. Он будет знать, что идеи и политические поступки могут быть более или менее прогрессивными, а кроме того, есть идейное и политическое мракобесие (такое, как, например, фашизм), борьба с которым должна быть бескомпромиссной. Он будет доказывать свою правоту, при этом оставаясь открытым к аргументам оппонентов и главное — новым практикам.

Именно такой — определенной, но не догматической, открытой диалогу, но не безразлично-никакой, — может (и, на наш взгляд, должна) быть позиция интеллигентного человека. Такой может (и, на наш взгляд, должна) быть позиция левых общественных организаций и движений.

Все это позволяет определить и нашу позицию по социокультурным аспектам бытия иммигрантов в странах «центра» и «миссионеров» (назовем так граждан стран «золотого миллиарда») в странах «периферии». На наш взгляд, вопрос в данном случае не в том, что хиджаб или специфика поведения первых в Париже не соответствует цивилизационным стандартам французов, а полуголые татуированные тела европей-

ских или североамериканских туристов — нормам ислама. Вопросы в другом.

С одной стороны, это вопрос, что несет набор из гламурных симулякров, формального этического плюрализма и культга утилитарного (пере)потребления, помноженных на экономические формы гегемонии корпоративного капитала и политико-идеологическое манипулирование НАТО — способна ли эта экспансионистская смесь помочь прогрессу культуры и гуманизма в странах третьего мира?

И другая сторона того же вопроса: способны ли мигранты (гости, туристы из стран «периферии» и не только) в Париже распродеть культурное наследие Франции, вступить с ним в диалог, обогатить в процессе со-творчества, а не разрушать, объекты высочайшего культурного наследия той же Европы, пытаясь сохранить свое зачастую отстало-некультурное бытие, несущее во многих случаях (что греха таить) снижение в «центре» общего «цивилизационного стандарта»?

Общий контекст ответа на эти вопросы для марксиста очевиден: глобальная гегемония капитала есть та метаоснова, которая порождает «макдональдизацию» и «замусоренность» и «периферии», и «центра».

Но в данном случае требуются существенные уточнения: проблема с этико-эстетической точки зрения не в том, что эмигрант или «миссионер» являются носителями чуждой «цивилизации», а в том, повторим, *достаточно ли он культурен, развит, образован, и главное — открыт к диалогу с иным, для того чтобы распродеть культуру того мира, в который он иммигрировал, обогащая ее своими традициями.*

Практики показывают, что на место культурного диалога глобальная гегемония капитала несет «вывоз» в страны третьего мира преимущественно симулякров тотального рынка, а не ценностей европейской, североамериканской и других культур, а в странах «центра» оказывается все больше граждан третьего мира, большинство из которых тот же капитал обрек столетиями своего господства над ними на низкий уровень знаний, квалификации, бытовой культуры и т. п.

В результате «Север» несет «Югу» преимущественно превратные формы позднего капитализма (ту самую «макдональдизацию»), а «Юг» — превратные формы позднего феодализма, помноженного на противоречия периферийного капитализма (в частности, те самые хиджабы).

И потому, возвращаясь к темам, с которых мы начали наши размышления, автор готов утверждать, что мы можем и должны говорить о том, что хиджаб на Елисейских полях не может быть нормой точно так же, как реклама «Кока-колы» в Каире (равно как и в Париже). Что национальный костюм хорош в некоторых случаях как феномен культуры, но он плох как вызов инородцу. Что левые должны *деликатно*, но последовательно выступать с антирелигиозных позиций, независимо от того, выгодно это или нет с точки зрения электоральных предпочтений. Что мы можем и должны вполне определенно говорить о том, что мир человека должны наполнять любовь (во всей ее физической и духовной красоте) и дружба, однозначно выступая против отношения к другому человеку исключительно как объекту получения физиологических удовольствий или выгоды. И это будет не ханжество, а культура.

Что, с нашей точки зрения, семья, диалог отцов и детей должны быть прежде всего миром межличностных отношений (очень сложных, противоречивых, трагических и прекрасных), а не религиозных традиций или рыночных сделок.

По ту сторону симулякров культурного протеста

Для многих наших коллег по левому движению, особенно в Западной Европе и США, сказанное покажется едва ли не реакционно-правой пропагандой застарелых советских догматиков. Мы готовы к такой критике. И сразу возразим. *Во-первых*, в советском образе жизни было многое не только от бюрократического ханжества, но и от человеческих отношений посткапиталистического будущего, от того, что еще не известно большинству граждан «цивилизованного» Запада. Но главное даже не в этом. Главное, что, *во-вторых*, в левом пространстве сегодня возникло много выморочно-искусственных форм человеческих отношений, якобы альтернативных по отношению к миру капитализма, но на деле не менее отчужденных, чем собственно капиталистические формы.

Нормальный, «обычный» человек чувствует фальшивость этой псевдоальтернативы мира контркультур, «легких» наркотиков, «свободного» секса, терпимости к безобразию под видом плюрализма в сфере искусства и т. п. И он совершенно оправданно не идет на поддержку этого псевдопротеста (в лучшем случае отдавая ему в молодости дань как некоей моде). Он чувствует не-снятость отчуждения в этих формах, замещающих содержательный протест формальной игрой в инакость, причем преимущественно внешнюю, в инакость там и тогда, где и когда она не мешает глобальной гегемонии рынка и капитала и даже может быть ей поглощена и превращена в очередной модный «тренд». И в этой погоне за инакостью, за внешним, формальным отрицанием и деконструкцией всего, за внешним отрицанием всех форм капиталистического мира иные из левых начинают убивать те культурные основы, на которых паразитируют рынок и капитал, но которые от этого не теряют своей гуманистической значимости.

Такие левые, стремящиеся «детерриализовать» все и вся, проигрывают правым по многим вопросам культуры, семьи, человеческих отношений. В своем формальном протесте *такие левые выступают против культурных основ подлинного человеческого бытия*, против *классики*, только на том основании, что сегодня они имеют капиталистическую форму. И здесь мы проигрываем правым, стремящимся сохранить эту форму как то, что уже подчинил капитал.

Проигрываем, ибо «*простой*» человек не настолько прост и примитивен, как подчас кажется левым интеллектуалам. Он прав в своем стремлении защитить любовь, настоящее искусство, нравственные нормы. И если левые не приходят к нему с четкой программой, показывающей, как очистить этот мир человеческой культуры и нравственности от капиталистических, религиозных и других наслоений, предлагая вместо этого некую авангардную или постмодерную вне-культурность и вне-моральность, этот человек отворачивается от нас и вынужденно идет к правым.

И главное: *мы должны вернуть себе этот культурный мир не потому, что это принесет больше голосов на выборах, но потому, что это не менее важное условие человеческого развития и разотчуждения, чем снятие эксплуатации.* Посему наша задача — не плестись в хвосте ханжески-правых (как это делают иные из вождей коммунистических партий на постсоветском пространстве, проповедующие патриархальные нормы едва ли не позднефеодальной поры), попадая в разряд консерваторов, и не убегать от проблемы снятия отчужденных этических и эстетических норм, а предлагать свою модель ренессанса *классики* и ее обогащения, совместного со-творения в открытом диалоге нового нравственного и культурного пространства, в котором процесс разотчуждения личностного, семейного, каждодневного бытия и быта человека станет реальностью.

Мы более 20 лет ездим по миру и знаем, что писать так, как это сделано выше, «цивилизованные» интеллектуалы не должны. Но мы знаем и другое. Постмодернистское отрицание «больших нарративов», апология деконструкции и возведенный в фетиш отказ от определенности уже обернулись *культурным отступлением*, а кое-где и провалом *левых*. И умеренных, и радикальных. И европейских, и азиатских. И российских, и североамериканских.

В 1917 и 1968 годах у нас были Маяковский и Неруда, Эйзенштейн и Годар, Дунаевский и Шостакович, Шолохов и Сартр, Пикассо и Сикейрос, Шоу и Брехт... Были споры, но были *диалог* и *тренд*. Сейчас в левой среде тоже есть несколько хороших поэтов, писателей и художников, которых кое-кто знает в тех или иных странах, а в России не знает практически никто, кроме профессионалов от левого искусства, коих едва ли наберется десяток на 150-миллионную страну..

А «обычный» человек вынужден потреблять (не распределечивать, а именно потреблять) масскультурные симулякры, о которых их «творцы» цинично говорят: «пипл хавает». В результате на улицы Парижа и Москвы выплескиваются не поэзия Фирдоуси и не философия Конфуция, не архитектурные или музыкальные традиции Востока и России, а внешние реакционные институты, правила, формы феодально-азиатских отношений отчуждения и подчинения человека, его бытия и духа, его семьи и общества. А на улицы Шанхая и Каира приходят не Хемингуэй и Гайдн, а совокупность капиталистически-европейских форм позднего капитализма — симулякры рекламы, масс-культуры, пошлости. Именно эти отчужденные отношения и их формы — как азиатски-добуржуазные, так и европейски-позднекапиталистические — нельзя принимать.

Посему мы можем и должны выступать против паранджи и в Тегеране, и в Париже, ибо она — не атрибут культуры Востока, а символ феодального закрепощения женщины; против коммерческой попсы и в Москве, и в Нью-Йорке, ибо это — не западная культура, а симулякр, порожденный рыночным фундаментализмом. *Мы должны предложить недвусмысленную, определенную альтернативу и агрессивной антикультуре, и вне-культурной тыли*, идя от постмодернистской неопределенности не назад, к идеологическому диктату в культуре, а вперед, к ответственному диалогу субъектов социального творчества.

Такова наша позиция. Жесткая позиция, ее скорее всего не примет ни просвещенный западный интеллигент, ни искренний религиозный фундаменталист, ни правые, ни многие левые. Но мы считаем ее правомерной и надеемся на содержательную дискуссию.

В заключение небольшая ремарка о специфике данного текста. Он практически полностью был посвящен вопросам культуры, семьи, нравственности... В нем было очень мало сказано об экономике, политике, социальных противоречиях. Мы сознательно пошли на это. Не потому, что мы считаем социально-экономические и политические вопросы второстепенными. Напротив, мы уверены, что коренные проблемы лежат именно в этих сферах, и проблемы культуры и нравственности будут решаться преимущественно на основе снятия базисного отчуждения. Мы это сделали исключительно потому, что на темы экономики и политики нами было написано очень много, а вот на темы культуры и морали...

И еще.

Всякий раз, когда в тексте писалось «мы», автор статьи имел в виду не только себя, но и своих наших товарищей из круга «Альтернативы» на постсоветском пространстве. Возможно, нас поддержат и некоторые из «западных» и «восточных» читателей этого текста... ◆